Р89 XII-4.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ XLVII-й. НОЯБРЬ. 1916 годъ

Императорская Особая библіотека въ Г. Ташкентѣ

СОДЕРЖАНІЕ:

I. Къ портрету Я. Ю. Гольдмана. Ред. . . . 163
II. За пятьдесятъ лѣтъ (воспом. Глѣбовой) Сообщ. П. Скуратовъ. 164—170
III. Письмо П. А. Плетнева къ К. С. Веселовскому. Сообщилъ Э. П. Юргенсонъ . . . . . 171—172
IV. Замѣтки Петроградскаго обывателя во время русско-нѣмецкой войны. П. В. . . 173—218
V. Въ родномъ гнѣздѣ (Лѣтопись рода Бутовскихъ) А. Д. Бутовскаго . . . . 219—275
VI. Изъ золотого вѣка итальянской оперы въ Петербургѣ. Кальцолари. Сообщ. В. А. Бернацкій. 276—283
VII. Къ войнѣ 1701—1721 г. (Указъ Царя Петра Алексѣевича отъ 31 января 1701 г. вологодскому архіепископу Гавріилу). Сообщ. И. Суворовъ . . 284—286
VIII. Памяти нашего консула въ Албаніи Григорія Степановича Щербины. Е. К. Андреевскаго . 287—291
IX. Письмо Н. Н. Раевскаго старшаго. Сообщ. М. Г. . 292
X. Б. П. Шереметевъ на аудіенціи у папы Иннокентія XII. Сообщ. А. Селищевъ . . 293—301
XI. Императорская фамилія въ Крыму. Сообщ. В. Мелега . . 302—319

Приложеніе: Портретъ Я. Ю. Гольдмана.

Принимается подписка на „Русскую Старину“ изд. 1916 года.

Подписная цѣна на 1916 годъ — 10 руб., за границу — 12 руб.

Пріемъ по дѣламъ редакціи по понедѣльникамъ и четвергамъ отъ 1 ч. до 3 ч. пополудни.

Редакція помѣщается въ Петроградѣ, Фонтанка, д. 18. Телефонъ 37-66.

XI-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го ноября 1916 года.

За пятьдесятъ лѣтъ [1]).

Воспоминанія артистки М. М. Глѣбовой.

Глава 10.

Прошло еще одно мгновеніе, и калитка отворилась. Къ намъ вышелъ заспанный корридорный. Онъ довольно грубо спросилъ, что намъ нужно.

— Номерокъ барышнѣ,—отвѣтилъ ломовой.

— Коли нуженъ номеръ, шли бы по парадной, —окрысился корридорный, видимо сердившійся за безпокойство его, это во-первыхъ, а во-вторыхъ оттого, что видѣлъ во мнѣ убогую жилицу.

— Нѣтъ ли подешевле, — говорилъ за меня ломовой.— Съ параднаго-то дорого.

— Дешевле, — крикнулъ корридорный. — А вотъ пожалуйте сюда, посмотрите.

Я соскочила съ повозки, и мы съ моимъ благодѣтелемъ-ломовикомъ отправились смотрѣть мое будущее помѣщеніе. Дворъ весь поросъ травой, по двору гуляли гуси, индѣйки и куры. Земля вся была въ какихъ-то выбоинахъ, и я нѣсколько разъ спотыкалась. Подошли мы къ хижинкѣ, въ два маленькихъ окошечка. Вся она была облупившаяся, и виднѣлись глина и щепки. Корридорный отворилъ дверь, и мы всѣ вошли. Сѣнцевъ не было, дверь выходила прямо во дворъ. Полъ былъ земляной, въ углу стояла чугунная печь, около нея старая деревянная кровать, — у другой стѣны помѣщался простой маленькій комодикъ, два стула и жестяной умывальникъ довершали убранство. Да, вино-

[1]) См. „Русскую Старину“ октябрь 1916 г.

вата, на стѣнѣ висѣла въ черной рамкѣ дама съ розаномъ въ рукахъ.

— Какъ цѣна?—осмѣлилась я спросить.

— Вамъ посуточно или помѣсячно.

— Помѣсячно.

— Шесть рублей.

Цѣна была подходящая, и я рѣшила остаться. Снесли мои вещи. Я заплатила ломовику, онъ поблагодарилъ и ушелъ. Мнѣ отчего-то стало жаль его, ужъ очень онъ заботился обо мнѣ.

— Деньги впередъ за мѣсяцъ,—объявилъ корридорный.

Я вынула и отдала деньги. Онъ что-то хотѣлъ спросить, но поклонился и ушелъ, даже не затворивъ дверь. Я пошла сама, чтобы запереть ее, но къ ужасу увидѣла, что никакого запора не было. Что было дѣлать? Я крѣпко захлопнула дверь и начала придвигать къ ней мебель. Сперва я придвинула комодъ, на него поставила стулья, не сообразивъ, что дверь отворяется въ наружу, но главное то, что въ тотъ моментъ я немного успокоилась. Развязавъ сундукъ, я достала бѣлье, постлала постель, положила подъ голову кошелекъ съ деньгами и рядомъ съ нимъ тупой столовый ножъ, для самозащиты. Затѣмъ помолилась Богу, раздѣлась и легла. Я почти всю ночь не спала. Засунувъ руку подъ подушку, я попеременно схватывала то кошелекъ, то рукоять ножа. Временами сонъ овладѣвалъ мной, но не надолго, и я снова таращила глаза по направленію входной двери. Мнѣ все казалось, что кто-то шевелится около нея и тяжело дышитъ. Мнѣ было очень страшно, такъ страшно, какъ никогда. Я боялась пошевельнуться, боялась своего собственнаго дыханія, а тутъ какъ на зло трещала кровать. Но когда ночью забѣгали по полу крысы, я не выдержала и сѣла, поджавъ ноги. Мнѣ представлялось, что вотъ, вотъ и онѣ полѣзутъ ко мнѣ на кровать. Такъ шло время, и наконецъ въ мои два окошечка забрезжилъ свѣтъ. Крысы куда-то пропали, и я вздохнула спокойнѣе. Нырнула подъ одѣяло и заснула, забывъ и о деньгахъ, и объ оружіи.

Солнце ярко свѣтило въ мою комнату, и лучи его ударяли мнѣ въ глаза. Я невольно проснулась. Было, вѣроятно, очень поздно, но который былъ часъ, я не знала, ибо не имѣла часовъ. Вставъ, я умылась, одѣлась и начала отодвигать баррикады. Но, Боже, какъ я была удивлена и уничтожена, когда замѣтила, что дверь отворялась наружу

и что я всю ночь спала совершенно незащищенной отъ воровъ и разбойниковъ. Отворивъ дверь, я кого-то толкнула. Это была дворовая собака, и вотъ она-то и дышала и возилась у моей двери. О, какъ я была ей благодарна. Она вѣдь сторожила меня. Я пожелала выпить чаю, но никого не было. Кричать я не рискнула и рѣшила не пить его, а просто съѣсть кусокъ французской булки. Такъ и было. Затѣмъ я надѣла пальтишко, шляпенку, взяла въ руки зонтикъ и рѣшила идти въ театръ къ антрепренеру. Я сильно волновалась. Выйдя на дворъ, я остановилась у двери и не знала, какъ поступить. Хотя деньги были при мнѣ, но все-таки въ номерѣ оставался мой хламъ. Порѣшивъ, что собака побережетъ, я вышла на улицу. Посмотрѣвъ направо и налѣво и не зная, куда идти, я пошла наугадъ. Такъ вступила я въ самостоятельную жизнь...

Глава 11.

Несмотря на то, что театръ находился очень близко, за угломъ отъ моей квартиры, я сдѣлала порядочный крюкъ. Когда я подходила къ театру, ноги мои подкашивались, и я замедлила шаги, дыханіе прерывалось. Но вотъ, поборовъ робость, я вошла въ театральный подъѣздъ и очутилась на сценѣ. Репетиція была въ полномъ разгарѣ. Въ моментъ моего вступленія на подмостки звалъ помощникъ режиссера кого-то дикимъ голосомъ. Актеръ, къ которому относился зовъ, тѣмъ не менѣе, стоялъ спокойно и разговаривалъ съ актрисой. Послѣ многократныхъ требованій, онъ не торопясь пошелъ репетировать. Успокоившійся помощникъ подошелъ ко мнѣ и спросилъ, что мнѣ нужно. Я объяснила, и онъ указалъ мнѣ контору, въ которой въ данный моментъ находился антрепренеръ. Подойдя къ двери, я робко постучала ручкой зонта въ дверь.

— Войдите,—раздалось за нею.

Я вошла; за старымъ, маленькимъ письменнымъ столомъ сидѣлъ полный человѣкъ въ очкахъ.

— Вамъ чего? — спросилъ онъ меня, почти не отрывая глазъ отъ кипы афишъ, въ которыхъ онъ рылся.

— Это я, пріѣхала служить,—послѣдовалъ отвѣтъ.

— Вы? А кто вы?

— Дядя мой, устроилъ меня. Это я...

— А? Ну, здравствуйте, садитесь...

Я сѣла на кончикъ стула.

— Спектакли открываются черезъ пять дней. Вы будете танцовать въ дивертиссементѣ, а вотъ вамъ и роль.

Онъ подалъ мнѣ довольно увѣсистую тетрадь.

— Оставьте свой адресъ разсыльному. О репетиціи извѣстятъ.—Онъ протянулъ руку. Аудіенція была окончена.

Когда я проходила, актъ окончился, и вся труппа стояла за кулисами. Всѣ въ упоръ смотрѣли на меня, и эти взгляды прямо-таки жгли меня. У меня раза два отъ волненія подвернулся каблукъ, и я чуть-чуть не клюнулась носомъ. Ко мнѣ подошелъ какой-то человѣкъ и спросилъ:

— Вы у насъ въ услуженіи?

— Да,—отвѣчала я.

— Вашъ адресокъ?

Я сказала, онъ записалъ, и я вышла.

На улицѣ я первымъ долгомъ взглянула на роль; оказывается, мнѣ дали роль городничихи въ комедіи „Ревизоръ". Прійдя домой и усѣвшись за чтеніе, закусывая таковое хлѣбомъ и колбасой, я увидѣла, что я пожилая женщина и что у меня есть взрослая дочь. Меня это немного смутило, но... разъ дали, значитъ, такъ надо. Я стала зубрить и въ теченіе трехъ—четырехъ часовъ вызубрила отъ начала до конца. Затѣмъ подали самоваръ, я напилась чаю и, раздѣвшись, стала на земляномъ полу босикомъ, танцевать разные танцы, выученные мной раньше. Въ самый разгаръ моего балета раздался стукъ въ дверь, я наскоро накинула юбку, платокъ и сказала „войдите". Появился театральный разсыльный.

— Приказали спросить, что плясать будете? На афишу надо ставить.

Я сказала: „Чардашъ".

— Какъ?—переспросилъ меня разсыльный.

Я повторила.

— Нѣтъ, ужъ вы лучше запишите, а то забуду.

Онъ далъ мнѣ карандашъ, и я записала въ его книгѣ названіе танца. Настало время сна. Въ эту ночь я была догадливѣе, разсмотрѣвъ гвоздь вбитый въ стѣну, я его вытащила и вбила въ дверь. Затѣмъ задѣла веревку за ручку и замотала ее за гвоздь, и затворъ былъ устроенъ. Когда я уже совершенно улеглась, мнѣ захотѣлось еще разъ прочесть роль. Зажегши свѣчу, я стала перечитывать и заснула. Свѣча горѣла до утра. Ночью я уже не слыхала ни крысъ, ни вздоховъ, ни возни за дверью. Подъ

подушкой, кромѣ кошелька и ножа, лежала еще роль. Я положила ее, чтобы лучше запомнить. Хотя, и повторяю, знала уже ее такъ, какъ знать лучше нельзя.

На другой день утромъ я получила извѣщеніе, что вечеромъ въ 7 час. репетиція, сперва Чардашу, а потомъ Ревизору, въ которомъ я должна играть классическую роль городничихи...

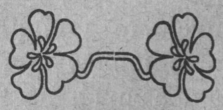
Глава 12.

Когда я явилась на репетицію, мнѣ объявили, что Ревизоръ пойдетъ послѣ, а что на открытіе идетъ другая пьеса, какая,—я уже забыла. Въ ней мнѣ дали роль въ три четыре слова. Мнѣ это очень улыбалось. Я могла нѣсколько разъ появиться на сценѣ, могла попривыкнуть, освоиться съ подмостками. Очень быстро пришлось перезнакомиться съ труппой. Любезность ихъ была параллельна съ положеніемъ; чѣмъ актриса и актеръ были выше по занимаемому амплуа, тѣмъ они были важнѣе и картиннѣе. Примадонна окинула меня критическимъ взглядомъ, наградила кивкомъ головы, но руку не подала. Герой любовникъ, въ широкомъ въ родѣ пейзанскаго воротникѣ и съ чудовищно большимъ галстухомъ бантомъ, снисходительно потрясъ мнѣ руку, какъ трясутъ маленькимъ дѣтямъ. Примадонна его окликнула, и онъ мгновенно былъ около нея. Началась репетиція. Я не знала, куда стать, какъ повернуться. Мнѣ указывали, и я очень быстро понимала свое положеніе. Товарищи смотрѣли на меня, какъ на новичка, товарки немного ухмылялись. Репетиція мелодрамы окончилась, и настало время Чардаша. Старикъ-скрипачъ сѣлъ у лампы, горѣвшей на суфлерскомъ столѣ, положилъ ноты и ждалъ. Вся труппа цѣликомъ направилась въ зрительный залъ. Я сильно волновалась, но присутствіе коллегъ меня мало стѣсняло. Я горѣла желаніемъ не ударить въ грязь лицомъ. Въ первомъ ряду рядомъ съ примадонной и героемъ сѣлъ антрепренеръ, надѣлъ очки, сложилъ руки на животъ, поднялъ голову, вытянулъ голову и ждалъ. Я отошла въ глубину сцены и стала въ ногу. Раздался ритурнель, а вотъ и мое выступленіе. Танецъ начался. Я уже никого не видѣла и отдалась вся своему дѣлу; когда я кончила, раздались апплодисменты, и я замѣтила уже тогда, что всѣ присутствующіе продвинулись изъ заднихъ рядовъ и

сидѣли въ двухъ первыхъ. Антрепренеръ сталъ любезный, примадонна еще сдержаннѣй. Словомъ, впечатлѣніе было вполнѣ благопріятно. Довольная я пошла домой и сѣла писать впечатлѣнія мамѣ, да и о дочери соскучилась. Прошло нѣсколько дней, насталъ мой дебютъ. Я одѣвалась въ общей уборной. Роль исполнила толково, сказала все во́-время, повернулась и ушла какъ надо. Но вотъ насталъ моментъ дивертиссемента. Мой номеръ былъ послѣднимъ. До меня читалъ герой, что-то длинное и очень драматическое. Онъ сильно ерошилъ волосы и лихо вскидывалъ головой, очень часто и ненужно. Затѣмъ примадонна, лѣтъ пятидесяти, одѣтая въ платье бэ-бэ и съ куклой въ рукахъ, читала наивное стихотвореніе, старалась щебетать, опускала глазки, ходила маленькими нечеловѣческими шажками и безалаберно смѣялась давно надтреснувшимъ голосомъ. Затѣмъ появился клоунъ. Онъ былъ круглъ, малъ и имѣлъ очень симпатичное, хотя и алкогольное лицо. Пѣлись куплеты и пѣлись, сколько я могла судить, очень хорошо. Онъ биссировалъ много разъ. Выходилъ онъ просто и кланялся тоже очень просто. Настало мое время. Я была одѣта въ венгерскій, довольно поношенный костюмъ, меня загримировали, и видъ у меня былъ ничего-себѣ. Затѣмъ звуки ритурнеля, и я, заложа руки за голову, перегнувшись назадъ и плавно вытягивая попеременно то одну ногу, то другую, появилась впервые передъ публикой, настоящей театральной публикой. Театръ мнѣ казался бездонной пропастью, керосиновое освѣщеніе яркимъ и блестящимъ, при появленіи раздались и хлопки. Я, было, подумала, не рано ли я выскочила, и нѣтъ ли за мной кого-другого, но нѣтъ,— зааплодировали мнѣ. Успѣхъ былъ хорошій, я биссировала три раза и упоенная, счастливая успѣхомъ раздѣвалась въ уборной одна одинешенька при одной лампѣ съ очень закоптѣлымъ стекломъ. Дамы уже ушли и только балетъ въ моемъ представительствѣ былъ налицо. Я услышала громкій разговоръ примадонны, вѣроятно она обращалась къ антрепренеру.

Суть разговора была такая, что неумѣстно выпускать танцорокъ на-ряду съ серьезнымъ искусствомъ. Это подѣйствовало на меня нѣсколько удручающе, но восторгъ успѣха побѣдилъ, и я не очень сокрушалась. Я тщательно старалась смыть водой гриммъ, но не могла; о томъ, что нужно сначала стереть чѣмъ-либо жирнымъ, я не знала, и уже думала, что бѣлила и румяна неразстающаяся съ арти-

сткой приправа. Постучался парикмахеръ, взять локоны, и вотъ тутъ только я узнала процедуру снимать театральныя краски. Придя домой, я опять стала писать матери, и письмо было очень длинное. Я подробно описывала все и знала, что это ей будетъ очень пріятно. Послать простымъ свое посланіе я побоялась и отправила заказнымъ. Вѣрнѣе! Съ большимъ нетерпѣніемъ я ждала отвѣта, ждала вѣстей. Какъ разъ наканунѣ постановки Ревизора отвѣтъ былъ полученъ. Дома все было благополучно. Дочь была здорова, мой вотчимъ тоже.

Сообщилъ **П. Скуратовъ.**

(Окончаніе слѣдуетъ).